

11. Остяки и вогулы XV—XVII веков¹

К востоку от Уральских гор тянется так называемая Великая сибирская низменность. Эту страну прорезают две мощных реки — Обь и Иртыш — с их многочисленными притоками. Правые берега этих рек более возвыщены и покрыты густой тайгой. Левый берег почти всюду низменный. Множество речек, ключей и озер покрывает северные за-

---

¹ Остяки и вогулы имеют самоназвание — „Ханди“ и „Манси“.

ливные луга, по которым тянутся гряды небольших холмов, «гривок», поросших лиственными деревьями или «сосновыми борами».

Но наибольшую часть всей этой земли как в ее более возвышенных местах, так и в более низменных, занимают обширные болота: моховые, торфяные, осоковые, покрытые корявыми, изогнутыми, чахлыми березками и сосенками. Таков летний вид этой глухой страны севера.

Зимой двухаршинный снег устилает сплошной пеленой все неровности почвы, густым слоем покрывает все деревья и кусты, делает еще более однообразной и без того грустную природу северо-западной Сибири.

Древние русские летописи называют эту угрюмую страну Угрией, а ее обитателей — уграми.

Потомки этих полулегендарных людей живут здесь и в наше время под именем остыков и vogulov. Соседний народ коми еще не так давно называл их еграми. Но сами себя раньше они именовали по-разному: манси, арьяхи, хондышу и др.

Среди непроходимых болот, по берегам рек, на наиболее высоких и защищенных самой природой местах до сих пор сохраняются следы древних остыко-вогульских городков. В них не сохранилось построек, и только поросшие густой травой и кустарником, заплыvшие размытой землей валы и рвы говорят о былой жизни.

Исследования этих городищ, древние предания, передающиеся из уст в уста еще и поныне, и старинные русские летописи и другие документы позволяют восстановить картину далекого прошлого.

Вот на крутом берегу многоводной красавицы Оби расположился такой городок. Около него, по реке, скользят многочисленные берестяные лодки.

Люди, одетые в непромокаемые рубахи с капюшонами, сшитыми из рыбьей кожи, забрасывают плетенные из волокон крапивы сети. Когда они поднимаются на поверхность, в них бьется, сверкая на солнце серебристой чешуей, множество рыбы.

Рыболовство — основное занятие остыков в летнее время. Зимой они превращаются в умелых охотников. Став на лыжи, вооружившись луком и стрелами, пускаются они в глухую тайгу на поиски пушного зверя.

Но сейчас лето, и с закатом солнца, багрящего своими лучами тихую воду реки, рыболовы возвращаются к своему поселку, раскинувшемуся около самого городка.

Селение состоит из ряда берестяных чумов, перед которыми дымятся ярко горящие костры.

Мужчины, вернувшиеся с промысла, вытаскивают лодки на песчаную отмель и развешивают мокрые сети. Женщины большими корзинами стаскивают пойманную рыбу или суетливо спешат закончить приготовление пищи для возвращавшихся мужей.

В городке, окруженном земляным валом и прилегающим к нему с наружной стороны рвом, защищенном кроме того плетнем, тоже чувствуется оживление.

Здесь, кроме нескольких чумов, имеются еще и зимние жилища — полуземлянки. Их стены рублены из бревен и до половины своей высоты врыты в землю. Небольшие, как щелки, оконца затянуты наливкой кожей.

Низкие двери ведут в эти избы. В них живут князь и родовая знать со своими семьями, слугами и рабами. Весь остальной народ расселен за валами.

Сейчас из этих жилищ, а также из поселка люди сходятся к большому дому, имеющему вид сарая. Это здание служит для народных собраний.

Шумно раздаются в нем голоса людей, спорящих по тем вопросам, которые, предположительно, будут обсуждаться сегодня. Здесь собрались все наиболее знатные, богатые и родовитые мужчины и женщины. Зябнущие старики одеты в зимние одежды, сшитые из оленьего меха, а молодежь — в летние замшевые или груботканые рубахи.

Большинство собравшихся уселись прямо на земляном полу, тогда как старики заняли почетные места на нарах, вдоль стен.

Все посматривали на входную дверь, кого-то ожидали.

Наконец появились двое князей и их жены. Они прошли через горницу и также расположились рядом со старшинами.

Голоса понемногу начали затихать. Тогда старший из князей поднялся и заговорил:

— Старейшины нашего рода, славные люди нашей волости! Вы помните, что недавно приезжали к нам татарские мурзы из города Искера на Иртыше от могущественного хана Кучума и собрали с нас, как со своих данников, богатый ясак. Они взяли с нашего народа пятьсот белок, двадцать соболей и восемь лисиц. Этот ясак тяжело лег на всех, но и нам, князьям, пришлось пострадать своим имуществом. Мы собрали теперь вас всех сюда, чтобы предложить вам начать войну, захватить и возместить утраченное, привести

Остяки. (Старинная гравюра).

себе новых рабов. Что вы скажете нам на это? Отвечайте!

Сказав свою речь, князь опустился на место.

Тогда поднялся один из старейшин.

— Княгини нашего города и князья нашего города! — начал он. — На каком крае земли сосредоточили вы ваше внимание? Вы нам откройте: в какой край земли вы желаете направить воинов со стрижеными головами?

Отвечал младший князь:

— Мы снаряжаемся в город кровавого богатыря Нангхуша.

По толпе пронесся шепот изумления и недовольства. Люди начали переговариваться и спорить друг с другом, обсуждая предложенный вопрос.

Князья, не принимая участия в прениях, молча и терпеливо ждали ответа.

Наконец разговоры затихли, и опять поднялся тот же седоголовый старец.

— В город кровавого богатыря, старого Нангхуша,—

сказал он дребезжащим голосом, — отправлялось много мужей, но они всегда опрокидывали свои грузные лодки, в которых сидели, на вилковатых сучьях, подобных ногам журавлей, сучьях, набросанных в реке и во рву вокруг города Нангхуша. Так эти лодки погибли там, а теперь уже, наверное, поросли оленым мохом высотой в пядь. Нет никакого одобрения на этот поход.

Князья быстро переглянулись. Старший из них гневно ударил кулаком по наре и вскочил на ноги.

— Так могут говорить только старые, трусливые собаки, поджимающие хвост при виде волка, — надрывая голос, закричал он, — а мы все-таки отправимся в город кровавого богатыря, старого Нангхуша, и сумеем пробраться через вилковатые сучья! Сегодня же вечером воины будут зарублены, и, что бы вы ни говорили, уподобляясь оленым важенкам, поход состоится.

С этими словами князья и княгини встали и шумно вышли из дома.

Все собравшиеся, понурые и недовольные, последовали за ними.

Когда-то, во времена родового строя, в остяко-вогульском обществе все наиболее важные вопросы решались на общих родовых собраниях. Несколько позже, с выделением знати, это право перешло к старейшинам. В то же время начинали обособляться князья, которые все больше и больше присваивали себе власть и уже к XV—XVI векам хотя и обсуждали важные вопросы на собраниях, как этого требовала традиция, но окончательное решение выносили сами, не считаясь с общим мнением.

Так было и сейчас.

После собрания все наиболее знатные люди прошли в дом старшего князя. Слабые лучи заходящего солнца почти не пробивались через налимью кожу, которой было затянуто маленькое оконце, и изба освещалась разложенным в центре, на земляном полу, ярко горящим очагом.

Дым, не имея иного выхода, кроме открытой двери, покрывал стены черной копотью и ел глаза, но люди, давно привыкнув, не замечали этого.

Вдоль всех стен тянулись нары, заброшенные мехами. Часть комнаты отгораживалась занавеской, за которой помещались женщины.

Под нарами слышался шорох, писк, а иногда и неуверенный, срывающийся щенячий лай. Здесь хозяева держали щенят, пойманных живыми лисиц и других мелких животных.

На стенах были развешаны предметы вооружения, домашнего обихода и одежда.

В почетном углу висело несколько скальпов, переливающихся черными блестящими волосами, «отливая радужными цветами», как говорится в былинах.

Эти срезанные головные кожи принадлежали побежденным врагам и подчеркивали могущество и силу их владельца.

Войдя в горницу, старший князь взял деревянный шест и начал зарубать на нем разнообразные значки — тамги (личные знаки) — его людей. Этим способом он отмечал тех из них, кто должен будет принять участие в походе.

Младший князь последовал его примеру в отношении своих подчиненных. Когда около ста воинов было намечено, князья передали шесты старейшинам, приказав немедленно известить всех завербованных.

Вскоре горе разлилось по всем чумам и землянкам.

«Где отец был плох — был зарублен (завербован) его сын, где сын был плох — зарубался отец, — говорит предание, — где отец был зарублен — сын плачет, где сын был зарублен — отец плачет».

На другой день князья устроили пир для всего народа, после которого все начали приготовляться к походу.

Всю ночь при ярком свете костров кипела работа.

Кто клеил из нескольких тонких полос дерева новый лук, кто точил мечи и копья, кто подправлял свою одежду.

На берегу реки, под священной лиственицей, где раз в год совершаются человеческие жертвоприношения богам, камлал шаман. Он был одет в кожаную рубаху, всю увшанную железными побрякушками в виде фигурок различных священных животных — медведя, лебедя и др. Длинная бахрома обрамляла одежду. Напевая тягучую и бессвязную песню, он ударял в жалобно гудевший бубен и неистово кружился, бряцая подвесками.

Народ с трепетом прислушивался к его прорицаниям.

Наконец солнечный багрянец озарил подернутый туманной дымкой восток. Легкий предрассветный ветерок зашумел вершинами деревьев. Птицы зачирикали в лесу.

Снаряженные воины начали собираться за городскими укреплениями. Шумно толпились они около земляного вала и обсуждали предстоящую войну и возможные ее последствия. Они не сомневались, что для князей и знати эта война сможет, в случае победы, дать выгоду. Они захватят имущество и рабов.

Но они, простые люди, пострадают несомненно. При побе-

де они ничего не получат, а некоторые из них конечно лишатся жизни. К тому же значительная часть рыболовного сезона будет пропущена, и зимовать будет нелегко при недостаточном запасе пищи — ведь рыба для осяка самое главное.

А в случае поражения будет еще хуже. Нангхуш в отместку нападет на их юрты и разграбит их. Тем, кому удастся спастись, придется лишиться всего созданного упорным трудом имущества. Ну, а кто не сумеет во время скрыться в лесу, тот неизбежно попадет в рабство.

Сумрачно смотрели воины, представляя себе свою судьбу. Женщины громко рыдали и в то же время успокаивали орующих детей.

Но вот из городка вышли князья и их ближайшие советники. На них поверх легкой одежды из рыбьей кожи были одеты звенящие блестящими кольцами металлические кольчуги. Вооруженные мечами и луками, с колчанами, полными стрел, они подошли к лиственнице и стоявшему около нее священному столбу с изображением божества.

В эту торжественную минуту все стихли. Старший князь положил семь поклонов и начал отдавать последние распоряжения.

Воины расселись в лодки. Все готово. Согласно обычаю остающиеся троекратно вскрикнули.

«Громкий крик, который принято кричать при отчаливании воинов, они крикнули, — говорит былина. — До вершины низкого дерева и до середины высокого он достиг.

Второй крик достиг до пути пестрых облачков; третий крик достиг до золотого света.

Младший князь сказал:

— Послушай, брат, выступим теперь с нашими воинами. До отца нашего, золотого света, он достиг. Не наступит для нас день поражения и смерти».

Старший князь махнул рукой, и лодки соскользнули на зеркальную гладь реки, быстро разрезая ее своими носами.

Проводив взором удаляющихся детей, мужей и братьев до тех пор, пока они не исчезли за поворотом реки, люди понуро начали расходиться по своим жилищам, принимаясь за тяжелый повседневный труд.

Так четыреста-шестьсот лет тому назад в осяко-вогульском обществе начинали складываться первые государственные образования.

Князья, богатевшие на открытом грабеже своего и чужого

Бааринская татарка по гравюре XVIII века.

народа, упрочивали свою власть, все больше и больше подчиняя себе своих бывших сородичей.

В эту эпоху начала феодализации остыков и вогулов русские впервые столкнулись с ними, подчинив их своему господству.